

Annotation

В Париже все продается: распутницы и девственницы, ложь и правда, слезы и улыбки. Вам небезызвестно, что в этом царстве торгашей красота является товаром и предметом чудовищной торговли. Продают и покупают большие глаза и маленькие рты, носы и подбородки — все имеет свою точную цену.

- [Эмиль Золя](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
-

Эмиль Золя
«Приманки»

В Париже все продается: распутницы и девственницы, ложь и правда, слезы и улыбки.

Вам небезызвестно, что в этом царстве торгашей красота является товаром и предметом чудовищной торговли. Продают и покупают большие глаза и маленькие рты, носы и подбородки — все имеет свою точную цену. Каждая ямочка на щечках, каждая мельчайшая частица женской красоты может быть обращена в предмет торговли и дохода. И так как в торговле не обходятся без подделок, подделывают иногда и товары, созданные господом богом. Часто продают всего дороже поддельные брови, наведенные обожженной спичкой, и фальшивые локоны, приколотые к волосам длинными шпильками.

Все это логично и понятно. Ведь мы — цивилизованная нация. А на что же была бы годна цивилизация, если бы она не помогала нам обманывать других и обманываться самим? Ведь только обман может сделать нашу жизнь сносной.

Тем не менее я должен вам признаться, что был чрезвычайно удивлен, когда узнал, что один предприниматель, а именно старик Дюрандо, которого вы тоже отлично знаете, возымел хитроумное намерение торговать уродством. Когда продают красоту — я могу это осмыслить; даже когда продают поддельную красоту — это только естественно, это знамение прогресса. Но я заявляю здесь, что Франция должна воздать должное Дюрандо — ведь он ввел в оборот такой товар, который не имел сбыта до наших дней. До него никто не додумался торговать уродством.

Несомненно и вы встречали иногда на улице женщин, идущих парочками. Они медленно прогуливаются, останавливаются с приглушенным смешком перед витринами. Их манеры и костюм говорят об их сговорчивости и стремлении завлечь вас. Они идут под руку, как подружки, чаще всего говорят друг другу «ты». Они почти ровесницы и одеты с одинаковой элегантностью. Но взгляните в них. Одна обладает заурядной внешностью, ее лицо ничем не примечательно; вы не обернетесь, чтобы лучше разглядеть ее, но если она попадет в поле вашего зрения, вы не будете раздосадованы. Ее

спутница всегда чудовищно уродлива, ее уродство оскорбляет, возмущает вас; вы не можете не обратить на нее внимания, вы не можете не сравнить ее с той, кого она сопровождает.

Признайтесь, вы попались в расставленную вам ловушку, и не исключена возможность, что вы даже пойдете следом за этими двумя женщинами. Если бы уродливая женщина шла одна, она оттолкнула бы вас своим уродством; ее спутница, со столь незначительной внешностью, не обратила бы на себя вашего внимания. Но когда они идут рядом, уродство одной из них подчеркивает привлекательность другой. Ну так вот, я открою вам секрет: страшилище, уродливая женщина — это служащая конторы Дюрандо. Она из его персонала — одна из его «приманок». Великий Дюрандо нанял ее и платит ей пять франков в час именно за то, что она так безобразна.

II

Вот как было дело.

Дюрандо — предприниматель изобретательный и оригинальный. Он стал миллионером и обратил торговлю в своего рода искусство. Долгие годы он вынашивал мысль — как сделать предметом торговли женское уродство. Могу заверить вас, что наживаться на красотах он бы не стал, — это такая деликатная область торговли, о которой Дюрандо, обладающий щепетильностью состоятельного человека, никогда не помышлял.

Однажды его как бы осенило свыше. У него родилась совершенно новая идея, явившаяся внезапно, как это всегда случается с великими изобретениями. Дюрандо прогуливался по бульвару, мимо него прошмыгнули две девушки, одна красивая, другая безобразная. И вот, взглянув на них, он понял, что красotka приспособила уродливую спутницу для того, чтобы оттенить свою красоту. Тут же он решил, что, подобно тому как женщина покупает банты, рисовую пудру и поддельные косы, она купит уродку, которая может стать для нее выгодным фоном.

Дюрандо вернулся домой, чтобы поразмыслить на досуге. К коммерческому предприятию, которое он задумал, нужно было приступить очень умело; он не хотел пускаться в авантюру. Предприятие могло стать гениальным, если бы оно удалось, и смехотворным, если бы провалилось. Он провел ночь в подсчетах и чтении тех философов, которые лучше всего осветили глупость мужчин и тщеславие женщин. На рассвете он принял решение: арифметические вычисления вдохновили его, а у философов он почерпнул столько презрения к человеку, что начал смело рассчитывать на обширнейшую клиентуру.

III

Мне бы хотелось быть более искусным, тогда я написал бы эпопею о создании агентства Дюрандо. Это была бы эпопея, написанная в шуточной манере, но, несмотря на вызываемый ею смех, полная трагизма и слез.

Дюрандо встретил гораздо больше затруднений, чем предполагал, при создании оборотных фондов для своей торговли. Сперва он предполагал действовать напрямик и удовольствовался тем, что расклеил в уединенных уголках — у водосточных труб, на деревьях — маленькие квадратики бумаги, на которых было от руки написано: «Для легкой работы требуются уродливые девушки».

Он прождал неделю, к нему не явилась ни одна уродливая девушка. Пришли только пять или шесть красивых, которые, рыдая, просили работы. Они были в безвыходном положении, но еще не потеряли надежду работой спастись от порока. Дюрандо в большом замешательстве повторял им, что они красивы и поэтому ему не подходят. Но девушки стояли на том, что они уродливы и что им не остается другого выхода, как продать свою красоту, если у них отказываются купить несуществующее уродство.

Дюрандо понял тогда, что только красивая девушка, уверенная, что она хороша, может отважиться признать себя некрасивой. Уродливые же никогда добровольно не признают, что у них непомерно большой рот или сверхъестественно узкие глаза. Если повсюду расклеить объявления, что вы дадите по десяти франков каждой уродливой женщине, которая к вам придет, вы не рискуете разориться.

Дюрандо отказался от объявлений. Он нанял несколько агентов и поручил им выслеживать в городе уродливых женщин. Им была объявлена поголовная вербовка парижских уродок. Он подобрал на роли своих агентов людей, обладающих тактом и вкусом. Их работа была не из легких. Они должны были производить настоящее расследование, изучать характер и материальное положение намеченных ими жертв. Если женщина была в жестокой нужде, они действовали решительно, а если она еще не умирала с голоду, им приходилось пускаться на всяческие ухищрения. Не легко вежливому

человеку сказать женщине: «Сударыня, вы уродливы, я покупаю ваше уродство за столько-то франков в день».

Предпринятая Дюрандо охота за уродливыми девушками, оплакивающими перед зеркалом свое уродство, кончалась иногда душераздирающими эпизодами. Агенты Дюрандо остервенело преследовали всякую встретившуюся им на улице некрасивую девушку; чтобы отыскать для Дюрандо особенно безобразную женщину и тем заслужить его хозяйскую благодарность, они пускались на чрезвычайные средства.

Каждое утро Дюрандо принимал и рассматривал весь улов, собранный накануне. Удобно усевшись в кресле, в желтом халате, в ермолке из черного шелка, он заставлял всех завербованных женщин проходить перед ним, каждую в сопровождении приведшего ее агента. Он откидывался в кресле, прищуривался с видом удовлетворенного или возмущенного ценителя. Он подолгу разглядывал проходивших перед ним женщин, прежде чем принять окончательное решение, он вертел покупаемый «товар» во все стороны, всячески изучая его. Иногда он даже вставал с кресла и, подойдя к несчастной жертве, трогал ее волосы, пристально рассматривал лицо, подобно тому как портной ощупывает материю или бакалейщик удостоверяется в качестве свечей или перца. Если уродство не вызывало сомнений, если лицо женщины было тупым и отталкивающим, Дюрандо удовлетворенно потирал себе руки. Он поздравлял агента, служившего посредником, он готов был обнять уродину. Но он избегал уродства, отмеченного умом; если глаза уродки блестели, а губы складывались в саркастическую усмешку, Дюрандо хмурился и ворчал, — он находил, что такая женщина может внушить если не любовь, то страсть. В таких случаях он холодно обходился со своим агентом и предлагал женщине зайти попозже, когда она состарится.

Не так-то просто, как может показаться на первый взгляд, разобраться в уродстве, составить такую коллекцию женщин, которые действительно были бы безобразны и не могли бы конкурировать с женщинами некрасивыми, но не безобразными. Дюрандо показал себя гением в своем отборе. Он доказал, как глубоко разбирается в природе человеческих страстей и чувств. Решающее значение для него имело лицо, и он отбирал только тех женщин, у которых были отталкивающие, внушающие ужас тупые лица.

Когда агентство уже могло начать свою деятельность, когда Дюрандо решил, что набрал достаточное количество уродливых женщин, чтобы предложить их на выбор тем дамам, которые захотели бы украсить свою незначительную внешность их безобразием, он выпустил следующий проспект.

«Агентство приманок

Л. Дюрандо

Париж, улица М... 18

Контора открыта с 10 часов утра до 4 часов дня.

Сударыня,

имею честь довести до вашего сведения, что мною создано предприятие, призванное оказать самую большую услугу в деле выявления женской красоты. Я являюсь изобретателем такого добавления к женскому туалету, которое должно неслыханно украсить женщин и придать особый блеск всем их прелестям, созданным природой.

До сих пор все применявшиеся ухищрения не могли остаться незамеченными. Всем видны кружева и драгоценности, также известно о существовании фальшивых волос и о том, что пурпур губ и нежные розы на щеках — не что иное, как искусство живописи.

Я поставил своей целью разрешить проблему, до сих пор не разрешенную: украсить дам таким способом, чтобы никто не догадался, в чем состоит этот новый способ. Не прибавивши ни одного банта, не коснувшись лица косметикой, я стремился найти безошибочный прием, благодаря которому дама, не потратив зря усилий, привлечет к себе все взгляды.

Мне кажется, я могу себя поздравить с успешным решением задачи, казавшейся неразрешимой.

Теперь каждая дама, которая осчастливит меня своим доверием, сможет за недорогую цену обеспечить себе восхищение толпы.

Предлагаемый мною способ необычайно прост. Вы это поймете, как только я объясню вам его действие.

Видели ли вы когда-нибудь нищенку рядом с красивой дамой, наряженной в шелка и кружева и подающей милостыню своей затянутой в перчатку ручкой? Заметили

ли вы, как блестит шелк при соприкосновении с лохмотьями? Заметили ли вы, как богатство наряда обнаруживается и выигрывает на фоне нищеты?

Сударыня, я могу вашему предложить вниманию богатейшую коллекцию уродливых лиц — таких, какие и выдумать невозможно. При сравнении с ними даже малопривлекательная женщина покажется красавицей. Рваная одежда заставляет мечтать о новых платьях. Уродливые лица заставят стремиться к красивым.

Не нужны больше ни вставные зубы, ни фальшивые волосы, ни поддельный бюст! Нет нужды краситься! Долой дорогостоящие туалеты! Долой колоссальные расходы на кружева и притирания! Предлагаемые вашему вниманию *приманки* можете взять под руку и прогуливаться с ними по улицам, — одно только их уродство создаст такой выгодный фон для вашей красоты, что все мужчины будут нежно смотреть на вас!

Соблаговолите, сударыня, осчастливить меня, став моей клиенткой. Вы найдете в моей конторе великое разнообразие самых уродливых женщин, какие только существуют. Вы сможете выбирать, вы сможете подыскать такое уродство, которое соответствовало бы жанру вашей красоты!

Тариф: час — 5 франков, полный день — 50 франков.

Примите, сударыня, уверение в моем полном уважении.

Дюрандо.

NB Агентство может предложить вам также напрокат матерей и отцов, дядей и теток. Цены умеренные».

Успех превзошел все ожидания. Со следующего же дня работа в агентстве пошла полным ходом. Клиентки наводнили контору; каждая выбирала для себя подходящую *приманку* и уволакивала ее за собой со зверской радостью. Трудно себе представить, какое наслаждение для хорошенькой женщины тешить свое тщеславие, появлялась в обществе под руку с уродкой. Она может красоваться сама и одновременно наслаждаться безобразием другой. Дюрандо оказался великим философом.

Не следует, однако, думать, что контора легко справлялась со своей задачей, — на каждом шагу возникало множество непредвиденных трудностей. Если нелегко было подыскать персонал, еще труднее было удовлетворить клиенток.

Приходила дама и требовала *приманку*. Перед ней выставляли товар и предлагали выбирать, давая при этом кое-какие советы. Дама переходила от одной *приманки* к другой, выражала недовольство, находя несчастных девушек или слишком, или недостаточно уродливыми, утверждая, что их уродство никак не сочетается с ее красотой и не способно выгодно оттенить ее. Агенты тщетно обращали внимание клиентки на кривой нос одной, громадный рот другой, на вдавленный лоб и бессмысленный вид третьей — их красноречие пропадало втуне.

Иной раз дама сама была невероятно безобразна, и, будь Дюрандо в конторе, он бы несомненно возымел горячее желание заручиться ее услугами, хотя бы по самой дорогой цене. Уродливая клиентка заявляла, что хочет подчеркнуть свою красоту и ей нужна молодая и не слишком безобразная *приманка*, потому что достаточно только слегка оттенить ее собственную красоту. Отчаявшиеся агенты сажали даму перед зеркалом и подводили к ней по очереди весь свой персонал. Она приходила в бешенство от цен на уродство и уходила, возмущаясь, что ей осмелились предложить подобных страшилищ.

Но мало-помалу клиентура установилась; каждая *приманка* имела постоянный спрос. Дюрандо мог отдыхать и наслаждаться мыслью, что он осчастливил человечество своим открытием.

Я не знаю, отдают ли клиентки себе отчет в истинном положении *приманок*? Если те и смеются иногда днем, то по ночам всегда плачут.

Приманка безобразна, она раба. Она не может не страдать от постоянного оскорбления ее человеческого достоинства: ее покупают в рабство, потому что считают безобразной. Ее хорошо одевают, она запанибрата со знаменитостями и со светскими людьми, она ездит в экипажах, ест в модных ресторанах, проводит вечера в театрах. Она на «ты» с красавицами, и простакки могут подумать, что она действительно принадлежит к обществу, появляющемуся на гуляньях, вернисажах и премьерах.

Днем она в вихре удовольствий. Ночи она проводит в неистовой злобе и слезах. Она сбрасывает с себя туалет, принадлежащий агентству, и остается одна в своей мансарде, перед осколком зеркала, который говорит ей об ее уродстве. Бедняжка понимает, что она безобразна и что никто не полюбит ее. Она служит для того, чтобы подстегивать желания, и никогда не изведает поцелуев.

VI

Я хотел всего-навсего рассказать о создании агентства и увековечить имя Дюрандо для потомства. Такие люди должны иметь свое место в истории.

Когда-нибудь, возможно, я напишу «Признания одной *приманки*». Я знаком с одной из этих несчастных, она потрясла меня рассказом о своих страданиях. Ее клиентками были женщины, известные всему Парижу. В отношении нее они показали себя чудовищно жестокими. О дамы! Не рвите кружев, которые вас украшают! Будьте мягкосердечны с уродками! Ведь, не будь их, вас не считали бы красавицами.

Моя *приманка* обладала пламенной душой и зачитывалась Вальтер Скоттом: нельзя придумать ничего печальнее влюбленного горбуна и уродки, предающейся отчаянию из-за крушения своих иллюзий. Несчастливая девушка влюблялась во всех мужчин, которых ее уродство привлекало к ее клиентке. Представьте себе, что чучело, служащее приманкой, влюбляется в жаворонков, которых оно подманивает под выстрел охотника!

Она пережила множество драм. Она чудовищно завидовала женщинам, оплачивавшим ее, как они платят за помаду или за ботинки. Она была вещью, взятой напрокат, на столько-то часов. А у этой вещи были свои чувства! Можете вы себе представить, какую горечь она испытывала, улыбаясь той, которая краля у нее, может быть, возможную и для нее любовь? А каковы эти красотки, которым доставляло особую радость ласкать ее, как подругу, на людях и третировать, как вещь, с глазу на глаз; они с легкостью разбивали по своему капризу ее душу, как они разбивают безделушки, стоящие у них на этажерках!

Но какое дело прогрессу до страданий человеческой души! Человечество идет вперед. Дюрандо будет прославлен в веках, потому что он ввел в обращение отрасль торговли, которая до него была неведома.

1865